

Вячеслав Скиталец

Баба-яга

Вячеслав Скиталец

Баба-яга

«Автор»

2026

Скиталец В.

Баба-яга / В. Скиталец — «Автор», 2026

Умерший священник, отец Григорий, застрял призраком между мирами. Он обречён наблюдать, как его собственное неверие и душевная трещина после смерти жены выпустили в мир древнее зло. На опушке деревни избушка на курьих ногах срывает вековой договор: Марфа в гневе уничтожила ритуальные грибы, и тварь забирает её семилетнего сына Федю. Мальчика перемальвают в утробе избушки, мать сходит с ума, а проклятие прорастает алыми мухоморами. Деревня вымирает, избушка становится алтарём грибного царства из плоти и памяти и начинает тихую охоту на соседей. Отец Григорий — вечный сторож у врат ада, который он же и приоткрыл.

© Скиталец В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Пролог: Шёпот в щелях	6
Часть 1: Тварь, рождённая из сомнения	7
Часть 2: Проклятая родословная	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Вячеслав Скиталец

Баба-яга

Глава

Пролог: Шёпот в щелях

Ветер выл, цепляясь когтями за крыши, вырывая ставни из гнилых петель. Он был не просто порывами воздуха; он был голодным зверем, рыскающим впотьмах, языком чудовища, облизывающим стены хлипких человеческих жилищ. Воздух был густым, как кисель, и пах мокрой шерстью, прелой листвой и далёким дымком — не уютным, печным, а едким, палёным, будто жгли кости.

В избе третьей от края, той самой, что стояла на отшибе, будто стыдясь своего соседства с чащобой, мать прижимала к груди Федю, крепкого семилетнего мальчишку, пахнущего парным молоком и страхом. Его волосы цвета спелой пшеницы были мокрыми от слёз и пота, а маленькие руки впивались в рубаху матери, словно ища спасения в знакомой ткани, в её тепле, которое уже не могло защитить. Изба была тёмной, лишь одна лучина трепетала в медном светце, отбрасывая на стены гигантские, пляшущие тени, каждая из которых могла быть ЕЮ.

Она, Марфа, шептала молитвы, заученные ещё в детстве, но я-то знал — её слова были пусты, ибо не шли от сердца, а рождались лишь от животного, всепоглощающего страха. Они были щитом, сплетённым из тростника, против стальной секиры ночи. Но был в её глазах, в самом их дне, за пеленой слёз, и другой оттенок — вину я читал, страшную и выстраданную. Ту самую, что сквозила в её исповеди, вырвавшейся у неё год назад, когда она, рыдая, припала к церковной скамье в моём опустевшем храме. Она ненавидела его, своего Мирона, не только за пьяные кулаки, оставлявшие синие пятна на её плечах, не только за горький перегар, что был фоном её жизни. Она ненавидела его за странные грибы, что он собирал у старой могилы на опушке, за те тихие, безумные бормотания, что сопровождали его возвращение с корзиной, полной липких, бледных поганок, пахнущих сыростью и медной монетой. И она, в приступе ярости, после очередной его пьяной выходки, вымела эти грибы вместе с его дурманящей травой за порог, навлекая проклятие, о котором лишь смутно слышала в страшных сказках няньки. Теперь оно пришло за сыном. Не за мужем, сгинувшим в ту же чашу неделю спустя, а за невинным. За того, кого она пыталась защитить.

Я слышал, как слова её падали на пол, будто сухие горошины, и катились в щели между половиц, где уже шевелилось, привлечённое этим страхом, что-то липкое и слепое — мелкие духи порчи, домовые-перевёртыши, что из хранителей очага превратились в паразитов, сосущих остатки былого покоя. Они были порождениями того же смрада, что исходил от избушки. Когда-то я, отец Григорий, благословлял эту паству, а теперь, будучи призраком, застрявшим в складке между мирами, мог лишь внимать её отчаянному шёпоту, будучи не в силах воздеть для осенения руку — ни живую, ни призрачную. Моя власть умерла вместе со мной, а может, и раньше.

Часть 1: Тварь, рождённая из сомнения

Она пришла не из леса.

Это важно понять. Лес был лишь декорацией, ширмой. Она вытекла из тьмы между сосен, будто старая, незаживающая рана на теле ночи. Её избушка стояла на опушке уже сотню лет, но всегда была неподвижна, как камень, вросший в землю, и все в деревне старались не глядеть в ту сторону. Взгляд скользил мимо, будто натываясь на невидимую преграду. Теперь же она скрипела куриными ногами, как пёс, сорвавшийся с цепи, повинуюсь зову крови. И виной тому был не только мальчишка с поганкой. Эта тварь, это воплощение древнего зла, была дитём моего собственного кризиса, материализованной тенью того дня, когда моя вера дала трещину — дня, когда умерла моя Агата.

Я помню тот день, как будто он вчера. Солнечный, ясный, жестокий в своём спокойствии. Агата, моя жена, моя тихая гавань, сгорела от лихорадки за три дня. И я, стоя над её телом, ещё тёплым, впервые за всю свою жизнь священника воззвал к небу не с благодарностью или смирением, а с укором. Горячей, ядовитой струёй поднялось во мне: «За что?». Это был не вопрос, это был вызов. Бунт одинокой, разбитой души. И в тот миг мне почудилось, что где-то далеко, на самой окраине мира, на той самой опушке, что видна из окна колокольни, что-то дрогнуло. Воздух над кривой избушкой заколебался, будто над раскалёнными углями. Что-то древнее и голодное услышало этот шёпот бунта и приоткрыло один свой гнилой глаз. Оно почуяло пищу — пищу из сомнения и отчаяния.

Теперь я видел, как стены её избушки дышали — бока вздымались, словно гниющее лёгкое, а из трубы сочился дымок, густой и жёлтый, как гной. И я, служитель алтаря, в ужасе узнавал в этом смрадном дыхании пародию на кадильный дым. Пародию, столь же чудовищную, как и моя нынешняя участь: вечно видеть грех, слышать покаяние, но не иметь возможности даровать за него прощение. Быть вечным свидетелем агонии, в которой и я сам виновен. Её куриные ноги были похожи на голые кости гигантской птицы, вываренной в бульоне из грехов, и каждый шаг был не просто скрипом, а костным треском, звуком ломаемой веры.

Часть 2: Проклятая родословная

А начиналось всё с малого, с детского любопытства. Федя, резвый и непоседливый, играя у старой могилы, что стояла на границе деревни и леса, раздавил гриб. Не просто гриб — плесневого человечка, уродливого гомункула, что рос из глазницы черепа, скрытого под замшелым камнем. Это была могила Степана-Безбожника, того самого, кто сто лет назад, отчаявшись спасти умирающую от чумы деревню, скрепил с Ней договор.

Историю эту я знал в деталях, ибо она хранилась в церковных записях, хоть и была зашифрована намёками. Чума пришла весной и косила всех без разбора. Молитвы не помогали. Люди умирали с чёрными пятнами на теле, и страх был гуще трупного смрада. И тогда Степан, человек гордый и не боявшийся ни Бога, ни чёрта, отправился на опушку. Он не пошёл с крестом и молитвой. Он пошёл с ножом, чашей и своей собственной кровью. Легенда гласила, что он провёл черту — наш мир от её мира, отдав Ей на вечное служение свою душу и души ещё нерождённых потомков в обмен на то, что мор отступит. И чума ушла. Отступила, словно по команде. Но с тех пор род Степана был обречён. Они становились лесниками, хранителями этой черты. Их долгом было приносить Ей дары — особые грибы, что росли только на той могиле, грибы, в которых концентрировалась скверна договора, вытянутая из самой почвы. Мирон, муж Марфы и отец Феде, был последним в этом роду. Грибы, что он собирал, были частью той самой скрепы, проклятым приношением, что удерживало Ягу на её стороне черты, своего рода откупом, платой за относительное спокойствие.

Марфа, не зная всей глубины старинного договора, но чувствуя его несправедность, в гневе вымела его, Мирона, волосы, смешанные с истлевшими грибными нитями, за порог своей метлой. Но Она подобрала каждый волосок. Она знала. Господи, она знала о запрете, знала старинные запреты, передаваемые шёпотом, но гнев на мужа, копившийся годами, оказался сильнее страха. И теперь её молчаливое знание висело в воздухе, густое, как смрад от тех грибов, тяжёлое, как свинец. Я же, призрак, чьи уста заживо шептали молитвы над усопшими, не смог предостеречь — мои предупреждения, мои попытки достучаться в виде вещей снов или навязчивых мыслей, уносил ветер небытия, в которое я не мог окончательно уйти. Я был лишь эхом, а эхо не может изменить судьбу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.